

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 81'42

ББК Ш105.51

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10. 02. 20

В. Д. Бачурин
Тюмень, Россия

V. D. Bachurin
Tyumen, Russia

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ СМИ В СОВРЕМЕННОМ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Рассматривается военно-политический дискурс как эффективный инструмент, используемый для достижения политического и экономического доминирования в обществе. Основное внимание уделено актуальным вопросам взаимосвязи военно-политического дискурса и информационной защиты, методологическим подходам, применяемым в условиях современных реалий ведения информационных войн, а также особой роли средств массовой информации как основного канала, определяющего вектор информационного воздействия на сознание индивидуумов. Приводится ряд примеров успешного использования высокопоставленными политическими деятелями и военно-политическими организациями при помощи средств СМИ активных дискурсивных приемов, направленных на осуществление когнитивного контроля в обществе с целью оправдания ряда мероприятий насильственного характера (в особенности по отношению к мирному населению), совершаемых подконтрольными им военными подразделениями на территории ведения боевых действий. В статье проведен сравнительный анализ материалов русскоязычной, англоязычной и немецкоязычной прессы в виде печатных и электронных ресурсов СМИ, направленный на выявление существующей разницы в области детализации и наполняемости текстов сходной тематики.

Ключевые слова: манипулятивные технологии; военно-политический дискурс; контент; информация; дискурсивная реальность; манипуляция; массовое сознание; СМИ.

Сведения об авторе: Бачурин Вадим Дмитриевич, ассистент кафедры иностранных языков и межкультурной профессиональной коммуникации, соискатель на степень кандидата наук.

Место работы: Тюменский государственный университет.

Контактная информация: 625003, г. Тюмень, ул. Семакова, 10.
e-mail: magov2@rambler.ru.

MANIPULATIVE TECHNOLOGIES, USED IN MODERN MILITARY MEDIA AND POLITICAL DISCOURSE BY MASS MEDIA

Abstract. This article discusses the military and political discourse, as an effective tool used to achieve political and economic dominance in society. Emphasis is placed on current issues of military and political relationship of discourse and information security, the methodological approaches used in contemporary realities information warfare, and the special role of the media as the main channel, which determines the vector of information impact on the minds of individuals. The author represents a number of examples of successful usage by high-ranking politicians and military-political organization of, active discursive techniques to implement cognitive control in society in order to justify a series of violent actions (particularly against the civilian population) committed under control of their own military units on the territory of warfare. The paper presents a comparative analysis of Russian-speaking, English-speaking and German-speaking press on the material of the print and electronic media resources aimed at identifying of the existing differences in detail and filling texts on similar topics.

Key words: manipulative technologies; military and political discourse; content; information; discursive reality; manipulation; mass consciousness; mass media.

About the author: Bachurin Vadim Dmitrievich, Assistant Lecturer of the Chair of Foreign Languages and Intercultural Professional Communication, Applicant for Degree of Candidate.

Place of employment: Tyumen State University.

Изучение военно-политического дискурса, его лингвистической составляющей, тесно прикасается с вопросами информационной защиты в условиях ведения современных информационных войн. Его анализ позволяет распознать инструментарий манипуляции сознанием общества, расширить знания по проблематике соотношения языка, сознания и идеологии, влияния, оказываемого ими друг на друга.

Информационное воздействие, существенной составляющей которого стал активный военно-политический дискурс, является эффективным инструментом политического и экономического доминирования. Показательным является то, что действия союзников по НАТО трактуются западной прессой исключи-

тельно с положительной стороны. Участие стран НАТО в войнах обычно подается как вынужденная необходимость и выражает волю мировой демократической общественности. Так, основной установкой политико-информационного сопровождения военных действий в Югославии было предложено считать применение силы в разрешении Косовского конфликта как «единственно правильное решение» (*I would not do it if I didn't think it was the right thing to do.* — Tony Blair [Blair 2011: 117]).

Существенных успехов США добились в области манипулятивной семантики в период войны во Вьетнаме. Были разработаны специальные тезаурусы для описания действий и явлений таким образом, чтобы обеспечить необходимое воздействие на массовую аудито-

рию. Для этого был создан так называемый «субъязык», который получил название вьетлийского (Vietlish, Vietnam English). Так, с 1965 г. военные действия во Вьетнаме назывались в официальной американской прессе не иначе как «программа умиротворения». Анализ публикуемых материалов позволяет предположить, что подобная терминология активно используется для символической дискурсивной основы требуемой фантомной реальности [Willbanks 2009: 437].

Указанные подходы позволяют использовать приемы управления сознанием на основе смены понятий. Из текста исключается вся негативная лексика (примеры: жертвы, война, уничтожение, гибель). Далее вводятся термины с положительной или нейтральной окраской, заимствованные из невоенной лексики (примеры: умиротворение, конфликт, нейтрализация, локализация, спорная ситуация). Получатель информации, таким образом, знакомится с искусственно созданной дискурсивной реальностью. Например, в американских газетах во время войны во Вьетнаме обычными были сообщения с информацией о том, что «одна деревня так упорно сопротивлялась умиротворению, что, в конце концов, ее пришлось разрушить» [Манойло, Петренко, Фролов 2003: 541].

Для осуществления необходимого ментального воздействия на сознание людей применяется механизм подмены дискурсивных переменных (т. е. реально произошедшие события подвергаются процессам трансформации, что приводит к появлению параллельной дискурсивной реальности, несущей в себе искаженную информацию о произошедших событиях).

Особенность информационной войны — психологического воздействия на общество путем распространения конкретной информации, в сравнении с войнами, ведущимися обычными боевыми средствами, состоит в том, что одновременно и полем битвы, и целью в информационной войне является человеческое сознание. Соответственно, и идеологические успехи в таких войнах могут приводить к более значимым социальным последствиям. История второй половины XX в. — начала XXI в. имеет массу примеров, когда информационное оружие приводит к усилению конфессиональных, этнических, идеологических противоречий, снижает в человеке способность к рациональному мышлению, делая его легким объектом для манипулирования [Дугин 2011: 87].

Поскольку оказание целенаправленного информационного воздействия почти всегда предшествует силовым действиям, такое воздействие ведется в отношении сознания:

1) представителей гражданского общества и вооруженных сил инициатора силовой акции;

2) представителей гражданского общества стран и отдельных территорий, имеющих значение для данной силовой акции;

3) представителей гражданского общества и вооруженных сил страны — цели силовой акции;

4) возможных оппозиционно настроенных групп в стране — цели силовой акции.

Вышесказанное не исчерпывает всего многообразия манипулятивных информационных технологий, но свидетельствует о высокой значимости применений трансформаций военного дискурса и необходимости их изучения. Так, американский автор Mariana Achugar заявляет о том, что «изучение процессов и способов создания и распространения текстов о войне имеет серьезный интерес для науки, представители которой занимаются исследованиями массмедиа, используя для этого различные подходы» [Achugar 2008: 341].

Средства массовой информации являются основным каналом воздействия на массовое сознание в современном обществе. Акторы, контролируемые СМИ, определяют вектор движения информационных потоков. Они решают, каким событиям нужно придать наибольшую актуальность, а какие события необходимо подать как малозначительные, а то и вовсе скрыть. Поскольку неоглашенные факты для мира не существуют, миру можно преподнести наборы других «нужных фактов». Таким образом задаются тенденции, условия, направления и ограничения для использования военно-политического дискурса. Для достижения необходимого когнитивного влияния на индивидов СМИ использует два основных способа подачи информации: последовательный и фрагментарный. Последовательный способ предусматривает тщательную, разностороннюю проработку материала по заданной тематике. Второй способ, фрагментарный, подразумевает неполную, частичную подачу информации, что часто приводит к неполному и искаженному пониманию рассматриваемой проблемы большинством аудитории ввиду существующих трудностей, а часто и нежелания искать полную информацию в альтернативных источниках. Фрагментарность дает манипуляторам возможность акцентирования внимания на определенной части событий и позволяет скрыть другую, нежелательную для публичного освещения часть [Дейк 2013].

В качестве примера проведем сравнительный анализ двух текстов англоязычной и русскоязычной прессы, где англоязычный текст — пример использования фрагментарного способа, а русскоязычный — последовательного.

Русскоязычная пресса	Англоязычная пресса
<p>Три дня траура объявлены в Одессе в память о противниках киевской власти, которые погибли страшной смертью в Доме профсоюзов. Здание заблокировали снаружи и подожгли сторонники Майдана. 46 человек сгорели заживо или разбились насмерть, когда, спасаясь от пламени, прыгали в окна. Более двухсот пострадавших — это лишь те, кто обратился за помощью к врачам.</p> <p>Настоящую бойню, устроенную радикалами в Одессе, уже назвали новой Хатынью. Националисты загнали людей в здание дома профсоюзов, оно как раз в том месте, где обычно собираются протестующие, и забросали бутылками с зажигательной смесью. Тех, кто пытался бежать, расстреливали.</p> <p>Жестокость на грани безумия: неонацисты не пускали к пострадавшим медиков. Раненых пинали ногами. Убегая от огня и расправы, люди вынуждены были прыгать из окон. А в это время те, кто собрался внизу, похоже, просто глумились.</p>	<p>Украина</p> <p>Украинские силовики начали проведение антитеррористической операции в Славянске. В другом украинском городе — Одессе, где в результате массовых столкновений сторонников и противников федерализации произошел пожар. Полиция уже заявила о 31 погибшем.</p> <p>В результате начала проведения антитеррористической операции и новых жертв в Одессе отношения между Россией и Западом усложнились. Официальные представители Кремля заявили, что в результате начала боевых действий в Славянске и обострения ситуации в Одессе достигнутое Женевское соглашение фактически сведено на нет.</p> <p>Действующий президент Украины Александр Турчинов подтвердил сведения о жертвах не только в Одессе, но и в Славянске. Военная операция началась через два дня после потери Киевом контроля над восточной частью Украины.</p>

Оба текста имеют одинаковую тематику — освещение трагических событий, произошедших второго мая на Украине. Однако структура, детализация и наполняемость текстов существенно различаются. Текст англоязычной прессы в данном случае отличается компактностью, краткостью, освещением не одного, а ряда событий, происходивших на Украине 2 мая. Здесь каждое предложение — звено в цепочке происшедшего. Данное построение текста необходимо для создания у читателя поверхностного, разрозненного представления о произошедшем. В отличие от англоязычного текста, текст русскоязычной прессы освещает одно событие — трагедию, произошедшую в Одессе 2 мая, отличается высокой детализацией, использованием большого количества лексики негативного характера, преимущественно глаголов и существительных: *расправа, расстреливать, жертвы, бойня, радикалы, расправа, глумиться*. Таким образом, можно сделать вывод, что данный текст, помимо своей основной функции — информативной, выполняет мировоззренческую функцию — формирует у читателя отношение к участникам происходящего и ситуации в целом.

Реалии современной действительности убеждают, что большинство «информационных потребителей» не желают, а часто уже не в состоянии, подвергать тексты критическому анализу, предпочитая просто принять во внимание информационное сообщение. В такой обстановке предлагаемые манипуляторами версии событий обычно принимаются на веру. Данные обстоятельства достаточно успешно используются западными специалистами в области манипуляции массовым сознанием. Американские авторы особо подчеркивают, что концепт «манипуляция» подразумевает способ

управления большим количеством людей (коллективами, сообществами) путем создания иллюзий или условий для контролирования поведения. Это воздействие направлено на психические структуры человека, осуществляется скрытно и имеет своей задачей изменение мнений, побуждений и целей людей в нужном некоторой группе направлении. Манипуляция массовым сознанием служит ключевым элементом психологических операций и информационной войны [Серебрянников 1973: 274].

Ввиду мгновенного распространения, доступности и большого количества информационных источников в Интернете публикации и видеосюжеты интернет-сайтов и блогеров являются наиболее востребованными со стороны массового потребителя. И здесь весьма красноречивы манипуляции с военным контентом в западных электронных СМИ.

В отличие от агрессивного подхода ведения информационной борьбы, принятого в странах — членах НАТО, российский доктринальный подход имеет весьма сдержанный характер и направлен прежде всего на обеспечение информационной безопасности индивидуального, группового и общественного сознания [Гриняев 2004].

В качестве яркого примера использования военного контента и его манипулятивного применения можно рассматривать публикуемый военно-политический контент о событиях на Украине 2014 г. в контексте интересов правящих элит США, Великобритании, Германии и России.

Крайне красноречиво выглядят уже сами названия статей и сообщений. Ниже приведены результаты их сравнительного анализа в немецкоязычной, русскоязычной и англоязычной прессе.

Англоязычная пресса	Русскоязычная пресса	Немецкоязычная пресса
<p>Соединенные Штаты планируют ввести санкции против РФ за акты агрессии в отношении Украины.</p> <p>Премьер-министр Украины предупредил о дальнейшей агрессии со стороны РФ. Вооруженный захват Крыма российскими военнослужащими.</p> <p>Путин: «Россия не исключает захвата Украины в случае дальнейшей эскалации».</p> <p>Десять лживых высказываний Путина об Украине.</p> <p>Украина — любимый вассал русского царя Путина.</p> <p>Путин: «Украина не государство».</p> <p>Российские террористы распространяют страх на востоке Украины.</p> <p>Силовики начинают анти-террористическую операцию против сепаратистов.</p> <p>Десятки погибших в результате пожара в Одессе.</p> <p>Украинские власти заявили, что поддерживают мирное разрешение конфликтов, но не будут вести переговоров с террористами на Юго-Востоке.</p>	<p>Ультранационалистическая организация «Правый сектор» рекомендовала ветеранам надевать советские награды.</p> <p>Ополчение Славянска готовится отразить нападение силовиков.</p> <p>Журналиста Сергея Рулева пытали в плену боевики Майдана.</p> <p>Украинские нацисты в законе.</p> <p>Майдановцы пытаются пленить бойцов «Беркута».</p> <p>Зверства бандеровцев.</p> <p>Вооруженные майдановцы развязали войну против собственного народа.</p> <p>Киевская хунта готовит военную операцию по захвату Крыма.</p> <p>Киевская хунта начала заметать следы.</p> <p>Произошедшее в Одессе второго мая — это чистый фашизм.</p> <p>Боевики «Правого сектора» заживо сожгли 43 человека в Одессе.</p> <p>Украинская армия использует снайперов против юго-востока страны.</p> <p>Боевики «Правого сектора» зверски убили защитницу памятника Ленину в Харькове.</p>	<p>Действия Москвы угрожают безопасности в мире.</p> <p>Как «Игры Путина» оказались в тени «крымского позора».</p> <p>Россия уже начала войну.</p> <p>НАТО вынуждено рассматривать Россию как противника.</p> <p>Путин марширует — Запад реагирует.</p> <p>Аннексия Крыма сравнима с аннексией Судет при Гитлере.</p> <p>Война на Украине обогащает Москву.</p> <p>Яценюк: «Мир не должен позволить России превратиться в бандита».</p>

В ходе сопоставления данных примеров становится очевидно, что сообщения разных источников формируют негативные представления. Среди сообщений с ярко выраженной пропагандистской составляющей независимые сообщения и тексты растворяются, не выдерживая конкуренции. Характерной особенностью является наличие в одних источниках и отсутствие в других тех или иных тем, являющихся составляющей военно-политического дискурса. Для подтверждения данного вывода приведем пример: «Журналиста Сергея Рулева пытали в плену боевики Майдана». Данная тема практически не упоминается в немецкоязычных и англоязычных СМИ.

Содержательная часть военно-политического дискурса в СМИ о кризисе 2014 г. на Украине позволяет выделить противостоящие стороны, как и в условиях реальных боевых действий. Знакомясь с такими сообщениями, человек интуитивно ассоциирует себя с одной из сторон, мысленно представляя другую сторону врагом. Для закрепления полученного результата необходимо столкнуться читателем сообщений разного пропагандистского толка «лоб в лоб». Здесь в дело вступает межличностное общение, но важную роль в «закреплении» продолжает играть Интернет, где «на полях сраже-

ний» — блогах, чатах, социальных сетях — встречаются противники и сторонники тех или иных концепций.

В публикациях достаточно явно выявляются элементы механизма манипулирования общественным сознанием на номинативном уровне. В англоязычных и немецкоязычных источниках радикально настроенные сторонники евроинтеграции именуются «революционерами», «борцами за свободу» (*die Revolutionäre, Kämpfer für Freiheit, revolutionists, patriots*).

Русскоязычным источникам свойственен более критичный подход к использованию номинативных средств. Та же группа получает здесь такие названия, как *ультранационалисты, радикальная группировка, правозэкстремистская сеть*.

Помимо номинативных различий, существует дифференциация в способах описания происшествий и событий в рамках украинского кризиса. Так, военно-политический дискурс англоязычной прессы по поводу весенних событий 2014 г., касающихся вхождения острова Крым в состав Российской Федерации, характеризует действия российской стороны как «военное вторжение» и «российскую агрессию» («*Russian military invasion of Crimea*», «*Russian aggression in Crimea*»). Поскольку

действия сторон в силовом аспекте можно характеризовать как бездействие, незавершенным представляется проведение номинативного анализа в описании противоборствующих сторон в данной ситуации. При этом проведенный сравнительный анализ является достаточным для заключения, что различие в способах номинации сторон и инструментах описания событий обусловлено различной оценкой событий и геополитической ориентированностью. Такие языковые конструкции, как «революционеры» и «борцы за свободу» (*revolutionists, Kämpfer für Freiheit*), формируют позитивные образы в сознании «информационных потребителей», в то время как «ультранационалисты» и «радикальные группировки» вызывают совершенно противоположный эффект.

Помимо описательного контента, в военном дискурсе электронной прессы, посвященном трагическим событиям на Украине 2014 г., большое распространение получили цитаты и краткие выжимки. Здесь работает схожий механизм обработки и подачи информации. В зависимости от принадлежности авторов к одной из сторон, их политической мотивированности и экономической обусловленности, цитаты широко применяются для закрепления эффекта, полученного в ходе прочтения материала — позитивного или негативного.

В качестве характерной особенности русскоязычных интернет-публикаций можно указать то обстоятельство, что авторам свойственна практически нулевая цитируемость сторонников евроинтеграции на Украине. Противоположный подход наблюдается в англоязычной прессе. Для немецкоязычной прессы характерен в целом сухой способ подачи материала с минимальным использованием цитат. Большое распространение получают цитаты высказываний глав государств России, Украины, США и ЕС, а также высокопоставленных чиновников и государственных деятелей.

Существенное влияние на смыслоформирование оказывают грамматические категории, например залог. Наличие сказуемого в активном залоге указывает на совершение действия подлежащим [Кара-Мурза 2002: 207]. Рассмотрим одну из актуальных тем, распространенных в англоязычной прессе — «Путин захватывает Крым». Активный залог глагола-сказуемого «захватывает» прямо указывает на то, что ответственность за совершенное действие лежит на лице, названном подлежащим (которым является президент РФ), и что лицо, выраженное подлежащим, негативно воздействует на объект-дополнение, который является жертвой.

Помимо номинативных способов и использования цитат, существует большое количество иных приемов и факторов, влияющих на общий смысл военного дискурса. Совокупность таких графических элементов, как цвет букв, размер шрифта, ширина колонки, особенности маркирования, способы расположения видео-

сообщений, наличие фотографий и иллюстраций, названия рубрик, имеет значение для формирования дискурсивных смыслов.

Таким образом, с уверенностью можно констатировать следующее.

1. Военно-политический дискурс участвует в создании, выражении, распространении и внедрении в сознание представителей общественных, социальных, этнических и других целевых групп специальным образом конструируемых мнений, суждений, оценок, стереотипов и предрассудков.

2. СМИ являются основным центром манипулятивного воздействия на общественное сознание. Необходимый когнитивный эффект создается путем использования различных способов подачи информации, негативно/позитивно окрашенной лексики, использованием фотографического материала, стилистических приемов, сокрытия нежелательных для публикации тем. Так, при анализе статей англоязычной, русскоязычной и немецкоязычной прессы было установлено, что тема «Журналиста Сергея Рулева пытали в плену боевики Майдана» практически не упоминается в немецкоязычных и англоязычных СМИ.

3. Пропагандистский характер публикуемого материала вынуждает читателя мысленно занимать одну из противоборствующих сторон и воспринимать вторую сторону как врага. Для закрепления полученного результата читателями сообщений разного пропагандистского толка сталкивают «лоб в лоб». Здесь в дело вступает как межличностное общение, так и Интернет, где «на полях сражений» — блогах, чатах, социальных сетях — встречаются противники и сторонники тех или иных концепций.

4. По географии воздействия и вовлечению целевых групп военно-политический дискурс СМИ можно с полным основанием определить как особый способ ведения войны, применяемый в комплексе с обычным арсеналом вооружений.

5. Большинство членов современной аудитории СМИ не желают, а часто уже не в состоянии, подвергать тексты критическому анализу, предпочитая просто воспринимать информационное сообщение. В такой обстановке предлагаемые манипуляторами версии событий обычно принимаются на веру.

6. Язык является основным инструментом военно-политического дискурса; последний находит материальное и законченное оформление в языковых структурах.

7. Комплексный систематический дискурс-анализ помогает не только выявлять характеристики манипулятивных дискурсов, но и их влияние на массовое сознание для своевременной оценки возникающих угроз и определения возможности соответствующего противодействия.

8. Подобно тому как оружие создается при помощи научного знания, военно-политический дискурс готовится с применением научных

разработок в области языкознания, социальной психологии, управления массовым и индивидуальным сознанием.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алецанова И. В.* Цитация в газетном тексте (на материале современной английской и российской прессы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2000.
2. *Гриняев С. Н.* Информационная война: история, день сегодняшний и перспектива. — Минск : Харвест, 2004.
3. *Дейк Тен ван.* Дискурс и власть. — М. : Либроком, 2013.
4. *Демьяненко Н. В.* Использование манипулятивных технологий в СМИ, как реальная проблема // Российский академ. журн. / Ростов. гос. экон. ун-т «РИНХ». 2012. № 1. С. 20—27.
5. *Дугин А. Г.* Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Схема нового мира. — М. : Арктогея, 2011.
6. *Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием и общественные институты. — М. : Весь мир, 2002.
7. *Карасик В. И.* О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. — Волгоград : Перемена, 2000.
8. *Манойло А. В., Петренко А. И., Фролов Д. Б.* Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. — М. : Горячая линия — Телеком, 2003.
9. *Серебрянников Б. А.* Общее языкознание: общие методы лингвистических исследований. — М. : Наука, 1973.
10. *Фуко М.* Мысль о Внешнем // Современные стратегии культурологических исследований. — М. : РГГУ, 2008. (Труды / Ин-т европейских культур ; вып. 2).

11. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. — Волгоград, 2000.

12. *Шейгал Е. И.* Семиотическое пространство политического дискурса // Политический дискурс в России — 3 : материалы раб. совещ. — М., 1999. С. 114—123.

13. *Якобсон Р. О.* К языковой проблематике сознания и бессознательного // Бессознательное: природа, функции и методы исследования. — Тбилиси, 1978. С. 16—29.

14. *Якобсон Р. О.* Язык в отношении к другим системам коммуникации // Избранные работы / Р. О. Якобсон. — М., 1985. С. 72—121.

15. *Achugar M.* What we remember a construction of memory in military discourse. — Hardbound, 2008.

16. *Blair A.* A Journey. — Paperback, 2011.

17. *Fairclough N.* Language and power. — Longman, 2013.

18. *Willbanks J.* Vietnam War Almanac. — Facts on File, 2009.

19. *Wodak R.* Critical Linguistics and critical discourse analysis. — Amsterdam : John Benjamins Publ. Co, 2006.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

20. URL: <http://www.huffingtonpost.com/2014/05/02/police-38-dead-in-protes>.

21. URL: <http://www.1tv.ru/news/world/257846>.

22. URL: <http://abcnews.go.com/Politics/obama-us-prepa-red-respond-russian-aggression-ukraine/story?id=23368009>.

23. URL: <http://www.voanews.com/content/gunmen-sei-ze-police-station-in-east-ukraine/1891931.html>.

24. URL: <http://www.reuters.com/article/2014/03/02/us-ukraine-crisis-usa-kerry-idUSBREA210DG20140302>.

25. URL: <http://www.dw.de/verfeindete-brüder/a-17498869>.

26. URL: <http://www.dw.de/putins-geschenke-spalten-die-ukraine/a-17305401>.

27. URL: <http://www.dw.de/der-weg-nach-europa-führt-über-den-maidan/a-17268816>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.